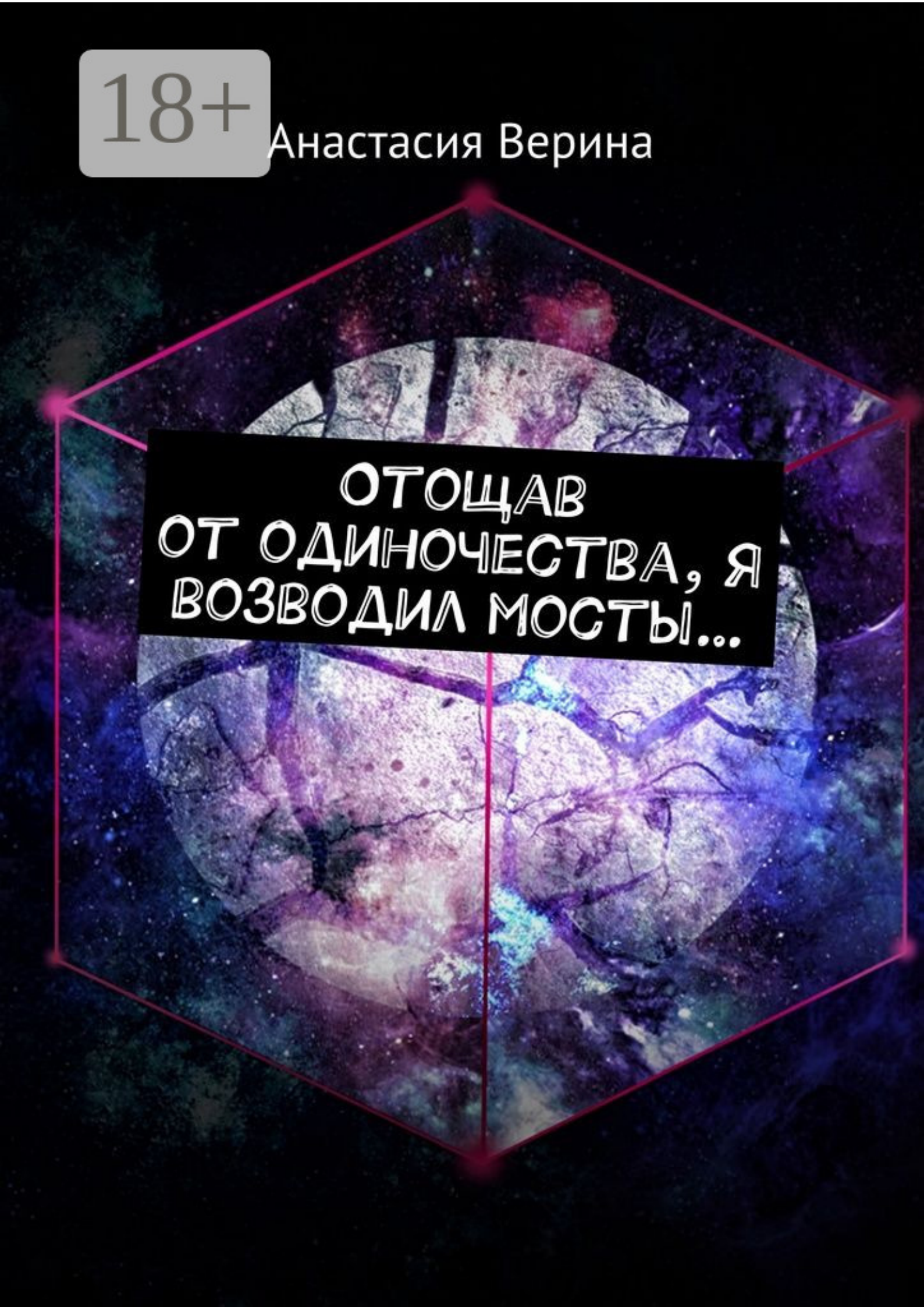

18+

Анастасия Верина

ОТЩАВ
ОТ ОДИНОЧЕСТВА, Я
ВОЗВОДИЛ МОСТЫ...

Анастасия Верина

**Отощав от одиночества,
я возводил мосты...**

«Издательские решения»

Верина А.

Отощав от одиночества, я возводил мосты... / А. Верина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907422-5

Здесь собраны все работы, передающие мои чувства и эмоции за этот год. Вы можете окунуться в них, прочитав всё: и стихи, и рассказы, отражающие меня.

ISBN 978-5-44-907422-5

© Верина А.
© Издательские решения

Содержание

Монстр	6
Море	7
Отощав от одиночества, я возводил мосты	8
У этой осени...	10
Мне нужен кто-нибудь, чтобы стореть	11
А вам знакомо чувство, когда хочется плакать...	12
Пустота	13
Если я мёртв...	14
Могила светлячков 2	15
Глава первая. Некоторые цветы никогда не тянутся к звёздам	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Отощав от одиночества,
я возводил мосты...
Анастасия Верина**

© Анастасия Верина, 2018

ISBN 978-5-4490-7422-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Монстр

Крематорий мыслей, заполняемый собственной кровью, рождённый из прикосновения к изголовью. Пусто. Жизнь, как искусство, тоска уже горло прогрызла, а я пишу эти строки, чтобы показаться самой себе чуть менее одинокой. В рёбрах монстр – он один, питается собственной плотью, острит и самоотверженно пьёт глицин: ему тоже бывает грустно, порой он даже не спит. Он качается на верёвках из нервов, всегда во всём старается быть первым, а потом мастерски изображает из себя жертву. Он любит громкую музыку, играющую в висках, и совсем чуть-чуть потерялся в своих грехах. У него холодные руки, поджигающие кислород, и печальные глаза, встречающие небосвод. Живёт от дела к делу и химерически стремится к пределу. Маргинальный отшельник, начинающий жизнь в понедельник. Он живёт внутри, скрывается часто, но посмотри, может быть, это ты?

Море

Наши руки сплетаются в печальное море,
Что хоронит в пучине наши мечты.
Все наги и безвольны, воспитаны горем —
Картины поэзии давно уж темны.
Твои вены, как реки, рисуют картины,
А я, словно зритель, ищу окончание
Наших волн и стихов, что так же старины,
Как вопрос в тишине и молитвы молчанье.
Я сплетаю ключицы, где растёт обещание
О величестве море и потере штормов.
Наше море будет гимном молчания
И предводителем кучи мостов.

Отощав от одиночества, я возводил мосты

Отощав от одиночества, я возводил мосты.
К тебе,
К пленительной странице красоты,
К хронически звучащей пустоте,
К себе.
Я видел, как теряет свет душа,
Как музыку чужую сокрушат.
Я наблюдал, как летят в полёте гневном
Слова,
Фразы,
Подвиги,
Оживающие с языка плачевно.
Для людей я скинул кожу и оплёлся мишурой
Наглости и человечности другой.
А где-то в клетке рёбер лежит мёртвая семья:
Чувства,
Эмоции,
Принципы и, конечно,
Я.

Это поколение давно мертво,
Полно стереотипов и страданий.
В мире, где не ценят существо,
Главенствует лишь принятие расстояний.
Границы в жизни, границы в голове —
Твой мозг гниёт под чутким руководством.
Границы даже в пустоте —
Люди становятся уродством.
Владенье маской – верх искусства
Для тех, кто одинок внутри.
Их сгрызёт простое чувство —
Это одиночество, смотри.

Лунный свет, словно из фонарика случайного прохожего, проникает в моё окно. Мы сидим рядом, чувствуя дыхание друг друга, слушая слезливые песни, и в комнате темно. Чашка чая наполнится грустью – у меня странное предчувствие. Дежавю.

Твои ключицы похожи на птицу, летящую ввысь, а руки холоднее любого мороженого. Звуки музыки всё лились, вырисовывая картины в голове, а перед нами лежал старый альбом с потёртыми краями и жёлтыми листьями, будто бы уничтоженный.

Мир на бумаге – вселенная в голове, что-то странное и почестней. Творцы живут не в нашем мире, словно бродяги, они идут туда, где смогут скоротать свой век потеплей.

Ты дышишь часто – этот звук напоминает мне шум моря, когда мы были молоды и ещё не проданы горю. Я прикрываю глаза – и мне чудится берег. Всё взрывается счастьем и подыгрывает радостной атмосфере.

Я тихо скажу тебе: «Привет, я твой мольберт». Я улыбнусь самой себе.

Ты ответишь мне: «Привет, я твой повод жить». Ты подожжёшь сигарету и начнёшь курить.

В дыме начнут расцветать поля эдельвейсов.

Я – девочка, что утонула в своей же голове, ты – глупый художник. Мы оба – обычный жизни заложник.

Под утро кто-то перережет горло ночной тьме, а из её ран появится солнце.

Этот сон был приятен и, безусловно, осознан.

У этой осени...

У этой осени взгляд одинокий,
В кости въедается александрит.
Мрак расползается строгий, голодный —
Сознание грусти ему не убить.
У этой осени взгляд отчуждённый,
Люди на улице – бомбы в домах.
Страх осознанный и возвращённый,
Грустный танец на горящих углях.
У этой осени взгляд обречённый,
Поникший под тяжестью прожитых лет.
Отчаяние – страшное, голод – врождённый,
А в лёгких у осени акации цвет.

Мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть

Эй, ты слышишь, мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть:
Расплавить кожу,
лёгкие,
голову,
Разливать сомнения, будто олово,
Жить амплитуду любви и страха долгого.
Эй, мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть:
Собирать свой пепел,
Остатки людского,
Запирать свою душу в склепе,
А потом загонять себе крест в землю числа так седьмого.
Мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть:
Проливать много слёз,
Проклинать небеса,
И потом, приходя на утёс,
В громких строчках себя описать.
Мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть:
Умертвить пустое нутро,
Залечить кислород,
Посеять простое добро
И подорвать в одночасье.

А вам знакомо чувство, когда хочется плакать...

А вам знакомо чувство, когда хочется плакать, но молчишь?
Когда вдыхаешь судорожно воздух, а в одиночестве – кричишь?
Когда все люди кажутся отвратительно больны,
И, может быть, когда-нибудь мы будем все вольны.
Вы думали когда-нибудь пощупать одиночество?
И рассмотреть его, как давнее пророчество?
Вы знаете, у одиночества солёные глаза
И голубые щёки, бегущая слеза.
А боль, обратившись в листья, дышит небом,
И порой она бывает истинным для тебя светом.
Это ничего, ведь ты знаешь мягкость волос-рек,
Обнявшись с болью, тебя не покоробит напоследок «нет».
А есть смерть, которая горька на вкус.
Она вскрывает клетку рёбер, оставляя свой укус.
У смерти кожа тёмного болота,
А лёгкие заполнены горящим кислородом.
А ложь имеет томную фигуру и красивые глаза,
Из серебра снежинок выткана её душа.
У лжи защиты губы красной нитью —
Не улыбнётся больше барышня с той прытью.
Ложь, боль, одиночество и смерть.
За что всё это нам, ответь?
Мы погружаемся во тьму, они кричат за правоту —
Но только глубже в пустоту.
И где-то там смеётся жизнь,
Сумев, конечно, голову прогрызть.

Пустота

Пустота, как сломленная птица, смотрит на меня своими безумно грустными глазами,
Ломая, словно спички, мои кости под тяжестью душевных мук.
Она росла во мне как будто бы веками,
Когда рвалась со скрежетом надежда познать звучание молодости вслух.
Она сидела в клетке рёбер каждый раз, когда я лицезрел проекцию своей же доброты,
Представленную лишь портретом злости в оттенках отречения.
И, сидя с ней в клетке мыслей, с шатким обличем наготы,
Со звучанием эха и терпкости приятный тьмы достигали единения.
Она была весомой тенью, съедающей мой мёртвый силуэт,
Играла разумом, не уступая горечи реальности кривой.
Я сразу ощущал пониклый запах сигарет
И дикое принятие того, что ничего не расцветёт весной.
И познавая себя, сидя в квадрате комнаты скитальцем, я приходил в немое изумление,
А пустота шептала: «Ты только посмотри:
В рождении и смерти у всех людей присутствует смирение —
Вы все с глубокой пропастью внутри».

Если я мёртв...

Если я мёртв, то развей меня прахом над Волгой —
Я буду думать о метафизике мира и ощущать покинутость долго.¹
Заставь мои кости лететь, отражаясь метафорами об одиночество моря —
Они оплетут пониклый силуэт, находящий пагубное мироустройство и компанию горя.
Если я мёртв, то включи на моих похоронах Шопена, прочти весёлый стих, что я писал к тебе,
А потом уйди, оставив за собой сомненья, и равнодушие толпы ты уничтожь, как и в себе.
Если я мёртв, то я рад оставаться невысказанными словами, фразами, поступками,
Не опираясь на хроническое одиночество с уступками.
Я останусь отзвуком в твоём голосе, шрамом недосказанности на губах,
Запомню, как чувствовал себя живым, печально истосковавшимся по кислороду,
на твоих руках.
Но, если я буду мёртв, ты выйди на улицу с моим сборником стихов в руках,
И прочти их так, как я бы никогда не прочитал: кратко, быстро и в кусках.
Собирая прозу, словно опавшие листья, и завлекая слушателей, потерянных некогда в серости дней,
Ты будешь читать стихи мёртвого автора среди кучи немыслящих и моря огней.
И если я всё-таки буду мёртв, то Расскажи моё имя по буквам прохожим:
Может оно колыхнёт и встревожит.

¹ – раздел философии, занимающийся исследованиями первоначальной природы реальности, мира и бытия как такового
Метафизика

Могила светлячков ²

*И куда бы я не бежал,
Как тюрьма для меня сей холодный шар.
В этом зеркале мой кошмар,
И по всем остальным фронтам
Мир исправно трещит по швам.
pyrokinesis*

² Настроение рассказа пропитано творчеством pyrokinesis'a, чьи слова из песен можно найти в начале и в конце произведения.

Глава первая. Некоторые цветы никогда не тянутся к звёздам

За окном разгорался закат: ленивые облака, что клубились непонятными кучками на холсте неба, отдавали насыщенным красным оттенком, начинающимся от бордового и заканчивающимся ярко-алым, по причине этого у меня сложилось впечатление, будто бы кто-то изящно и на потеху всем перерезал небу горло. Деревья придерживались мёртвой тишины: их движения сводились только к лёгким покачиваниям из-за редкого дуновения ветра, а люди лишь изредка мелькали разноцветными пятнами сквозь грязное стекло окна моей комнаты. Наверное, мне давно уже стоило задуматься об уборке в квартире, однако же, я находил что-то невообразимо притягательное в том, чтобы жить в хаосе – всё-таки этот самый хаос идеально вошёл всему тому, что происходило у меня внутри, где-то там, где люди находят сердце.

Я сидел на сильно выступающем подоконнике, как и делал это всегда: устроился, закинув согнутые в коленях ноги, рядом с собой разместил ещё горячий кофе и тонкий, с ажурной отделкой снаружи, скетчбук, а ноутбук, расположившийся на столе, воспроизводил композиции классиков, что создавало вокруг меня невероятную атмосферу отрешённости и уединения. Именно в такие моменты я любил размышлять о жизни: насколько доволен тем, что я сейчас имею; насколько я чувствую себя потерянным, насколько меня втоптали в грязь, насколько ещё меня хватит. Насколько... А, к чёрту.

Кто-то наверняка скажет мне, что я типичный представитель непонятых подростков. Возможно, они будут правы, но, честно говоря, какое мне до них дело? Мой главный грех в том, что я получаю странное наслаждение от страданий. Я люблю эту боль, что с каждым днём сжигает меня дотла, оставляя спаленный город на руинах моего сознания; я жажду её, хоть и безумно устал ощущать огромную дыру где-то глубоко внутри себя, что разделяет каждый раз мою жизнь на «до» и «после». Я знаю, что когда-нибудь это состояние сожрёт меня. Я знаю, что когда-нибудь всё разрушится, а мне достанется лишь прах прошлого. Возможно, ещё мой грех в том, что я не верю в Бога, хотя это утверждение довольно сомнительно само по себе.

Громкий звук закрывающихся дверей, которыми постоянно сильно ударяли, словно пытались пробить бетон вокруг, раздирает поток моих мыслей – грохот настолько жуткий, что мне кажется, будто пространство вокруг меня начинает вибрировать в причудливом танце. Атмосфера личной сказки нарушается, буквально распадется на глазах, когда я слышу оглушительный грубый голос: это отец, человек, которого я хочу не ненавидеть, но как-то не выходит. Забавно осознавать, что он только пришёл домой, но уже срывается в истерику на близких: на матери, на моей сестре, хотя та зачастую даёт ему отпор, даже на мне. Немного грустно, честно говоря, что люди привыкли переносить свои личные переживания и падения на близких людей, которые могли бы подарить крылья и щит в подобных ситуациях. Мой отец каждый раз превращался в личного демона, что разрушал всё, к чему прикасался, когда возвращался с работы. Но после всего этого был самым милым созданием на планете – а я помнил, я тщательно хранил в своей памяти, словно в драгоценной шкатулке, как он собственноручно каждый раз растаптывал хрупкие чувства моей матери. Моё сердце, как и сердца всех моих близких, покрывалось шрамами, которые никогда не дадут нам смотреть на мир по-другому.

Отпечаток прошлого – отпечаток в будущем.

Наверное, стоило давно им развестись, но человеческая натура удивительна в действительности: мы будем терпеть стойко и страстно, пока нам причиняют боль, пока наше сердце забивают клинками, потому что просто привыкли, а от привычки отказаться не хватает сил. Люди десятилетиями живут в несчастливом браке, а потом учат так же жить своих детей, возвращая эту привычку в неокрепших умах. Моя мать терпела это унижение постоянно, её ничего не держит рядом с этим человеком, однако она до сих пор рядом с ним. Я не могу её винить

в этом. Жалость и грусть съедают меня живьём, когда я смотрю на неё, такую слабую и грустную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.